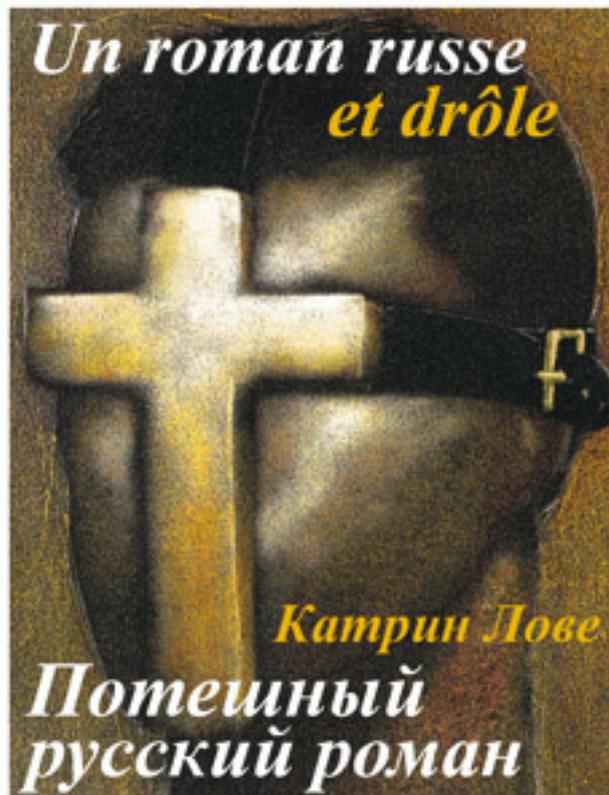

французская линия

Catherine Lovey

FreeFly

Катрин Лове
Потешный русский роман
Серия «Французская линия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7350162
Потешный русский роман / Пер. с фр.: Флюид ФриФлай; Москва; 2013
ISBN 978-5-905720-29-1

Аннотация

Книга Катрин Лове «Потешный русский роман» – попытка взглянуть на Россию со стороны, взглянуть с сочувствием и любовью, понять, чем живет сегодня огромная страна, как решает свои проблемы, на что надеется. Валентина, главная героиня книги, хочет написать роман о бывшем русском олигархе и едет в Сибирь, встречается разных людей, потом ее следы теряются на заснеженных просторах загадочной «шестой части суши». Друг Валентины Жан приезжает в Петербург, чтобы попытаться найти ее и... застревает в этом прекрасном, чужом городе.

Главный внесценический персонаж романа – Михаил Борисович Ходорковский. Биография опального олигарха, по мнению Лове, служит прекрасным примером борьбы западного и русского начал в судьбе одного человека. Причем сначала Лове хотела написать о вымышленном персонаже, пока не осознала, что ничего придумывать не надо: жизнь предложила ей куда более красноречивый образ в лице Ходорковского.

Все мы разъединены, но и связаны друг с другом, все пытаемся осознать себя и свое место в этом мире, понять, чего хотим от жизни, и оценить себя по «гамбургскому счету», и, как ни странно, Россия способна помочь в этом.

Во Франции и Швейцарии книгу приняли на «ура», она широко обсуждалась в прессе и читательских кругах. Один из критиков даже написал, что благодаря роману Лове швейцарцы наконец-то лучше узнали Россию.

Содержание

Часть I	5
Жан	16
Еще несколько слов о Жане	21
Жонас	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Катрин Лове

Потешный русский роман

Патрику, Жереми и Джулии

Памяти моего друга Саши Щукина

Французская линия

Catherine Lovey
Un roman russe et drôle

Editions Zoé

Перевод книги поддержан грантом швейцарского совета по культуре «PRO HELVETIA»

Перевод с французского Елены Клоковой

© Editions Zoe, 2010
© Клокова Е., перевод, 2013
© ООО «ИД «Флюид ФриФлай», 2013

Любое сходство с реальными людьми, ныне живущими или покойными, является случайным. Единственный персонаж из жизни – Михаил Ходорковский. В этом романе упомянуто несколько общеизвестных фактов о нем самом и его жизни в заключении в Сибири. Все остальное – плод фантазии автора.

Благодарю мою подругу Юлию К. за помощь в «обращении» с русскими словами, которые произносят герои романа.

Спасибо всем мужчинам и женщинам, которые принимали меня в России.

Благодарю моего издателя Марлизу Пьетри.

Часть I

«Опять я хожу по берегу и не знаю, что с собой делать. Между тем уже заходит солнце, и волны на Амуре темнеют. На этом и на том берегу неистово воют гильяцкие собаки. И зачем я сюда поехал? – спрашиваю я себя, и мое путешествие представляется мне крайне легкомысленным».

Антон Чехов Остров Сахалин. Из путевых записок.

Придется сказать правду, всю правду, говорит мой друг С., постукивая тыльной стороной правой ладони по столу. Он смотрит на меня с сожалением, потому что не только знает эту правду, но и готов ее поведать, извини, но ты снова решила потратить время и силы на жалкого и – главное – бессовестного типа (С. дважды ударяет по столу ладонью, произнося слово «бессовестный») и собираешься превратить презренного, мерзкого человека в героя. Да, говорит С., в творчестве всякое может случиться, в романах всякое бывает, надеюсь, ты хоть это понимаешь, спрашивает он с печалью во взоре и голосе.

В саду вокруг нас бегают дети, пихаются, спорят. Подбегают к сидящим за столами взрослым и спрашивают, когда же можно будет наконец пойти в дом поиграть на компьютере или посмотреть телевизор. Взрослые отвечают нет, нет, нет, сегодня вечером никаких компьютеров, в дом не входить, о телевизоре не может быть и речи, брысь отсюда, играйте в саду, вы только посмотрите, какой дивный сад, какой чудный вечер, тихий июльский вечер.

Мой друг С. много пьет. Много говорит и много пьет. Твой пресловутый олигарх, продолжает он, глядя на меня исподлобья, ограбил свою страну, обогатился сверх меры, по его «заказу» совершались гнусные убийства, да-да, именно так, и не пытайся меня убедить, что он этого не делал.

Я разрезаю инжирину и открываю рот, чтобы отправить туда фрукт и попытаться вставить слово, но С. мне не позволяет. Он не дает себя перебить, его не интересует мое мнение, он хочет навязать мне свое. Когда занимаешься нефтью, как твой приятель Ходорковский (я бы и хотела возразить – мол, он мне не приятель, но рот занят инжиром), и ухитряешься на «раз-два-три» положить в карман пятнадцать миллиардов долларов, в свой личный большой карман (мы оба знаем, о чем речь, кривится С.), и делаешь это в стране, где народ подыхает от отчаяния (он снова ударяет по столу), что еще хуже, чем подыхать с голоду, добавляет он, у него заводятся немало врагов, хищники бегают стаей, дорогая, и, если вступают в схватку, то бьются насмерть.

Мой друг С. – несколько месяцев назад он отпустил длинные волосы – считает своим долгом откровенно сказать мне и не отказывает себе в этом удовольствии, что не понимает, почему я интересуюсь субъектом, который и гроша ломаного не стоит, нет, правда, не понимаю я твоего отношения, это просто... просто, повторяет мой друг С., просто аморально, подсказываю я, видя, что он никак не подберет слова, просто смешно, категорически заявляет С., он наконец нашел нужное определение.

Смешно, удивляюсь я, ты действительно находишь это смешным?

Так смешно или аморально?

Смешно, упорствует С., искренне сожалея о моем выборе.

Смешно, что еще хуже, чем аморально.

И подливает нам вина, хотя мы оба уже достаточно выпили.

В наступивших сумерках плачут дети, они устали и капризничают. Одна из женщин вдруг говорит, надо бы уложить малышей, это Даниэль, всегда безупречно собранная, не

забывающая о чувстве долга, остальные женщины вторят ей хором, пора уложить малышей, малышей, малышей, но сколько их, где они, как их всех отыскать в кустах и на деревьях?

Я наблюдаю за своим другом С., он пьет – торопливо, частыми глотками, как будто боится опоздать на поезд. Он пьет и остается невозмутимым, словно бы и не слышит ни детского плача, ни слов Даниэль, ни голосов других женщин, хотя они говорят, пора укладывать детей, и их слова в этот тихий июльский вечер адресованы всем, в том числе моему другу С., у него двое малышей и двое детей постарше, он теперь холостяк, дважды разведенный, ему сорок три, он снова свободен, у него длинные седые волосы, и он больше не желает слышать ни о женитьбе, ни об отцовстве, нет уж, благодарю покорно.

Я смотрю на моего друга С. и вспоминаю те далекие времена, когда он утверждал, что разлюбил меня, а я заявляла, что вообще никогда его не любила, когда мы оба смотрели на любовь свысока, и мне в голову приходит мысль: лучше бы мы тогда меньше читали и просто жили. Сегодня мы оба пишем. По правде говоря, мы уже тогда писали, конечно, не так, как сейчас, не регулярно, но это не значит, что его и моя жизнь так уж сильно изменились. Этой июльской ночью мой друг С. говорит, что никак не может постичь природу моего интереса к русскому олигарху Михаилу Борисовичу Ходорковскому, отбывающему срок на сибирской каторге. Он даже дает понять, что этот интерес, как и замороженность подобным персонажем (слово «персонаж» он произносит с отвращением), вызывают у него презрение, и тут мне становится ясно: выйди я замуж за С. в те времена, когда он утверждал, что разлюбил меня, а я заявляла, что вообще никогда его не любила, но он все-таки хотел на мне жениться, у моего милого друга было бы в активе три развода, а не два. Не говоря уж о ребенке, которого мы бы наверняка завели и сейчас снимали бы с дерева, чтобы уложить спать одновременно с теми, что дерут глотку в саду.

Я сижу на стуле под липой – на мою удачу, она уже несколько недель не исходит сладким соком, – наслаждаюсь чудесной атмосферой дружеской вечеринки и ищу глазами в кустах ребенка, которого мы с моим другом С. не завели. Ребенка нет, но я готова вскочить и начать бегать по саду вместе с остальными женщинами, хватать малышей за руки за ноги и тащить в кровать, не обращая внимания на их вопли. Так я смогла бы избежать невысказанных упреков моего драгоценного С., их, вкупе с высказанными, слишком много для одной летней ночи.

Марин только что перешла на наш край стола. Она изменила прическу и теперь носит стрижку каре, которая совсем ей не идет, еще больше утяжеляя лицо, но никак не скрадывает основного свойства ее натуры – неистребимой природной жизнерадостности. Она смеется, подсаживаясь к С., заливаясь смехом, похлопывая его ладонями по щекам, этой привычке лет двадцать, не меньше. Она смотрит на меня и понимает, что мы подумали об одном и том же: С. со студенческих времен способен с волнением в голосе безостановочно говорить на одну и ту же тему, пока его не одернешь. За двадцать лет не было случая, чтобы нашему общему другу оказалось нечего сказать. Нас с Марин это самодовольное постоянство, конечно, раздражает, но оно же и успокаивает. В нашей жизни, состоящей из нереализованных желаний и бесконечных самоограничений, теории С. подобны уютно угнездившемуся в углу старому шкафу. Он давно вышел из моды, проку от него ноль, но, стоит его открыть, и оттуда доносится забытый аромат. Мы с Марин любим ощущать этот «запах» и убеждаться, что заключенное внутри время подобно насаженному на толстую булавку жуку.

Раз уж ты твердо вознамерилась вернуться в Россию, говорит Марин, продолжая гладить С. по лицу, обрати внимание на их серийных убийц. Там есть неподражаемые экземпляры, таких даже в Америке не найдешь, уж ты мне поверь.

Именно так, говорит С., как будто хоть раз в жизни, задумывался о русских серийных убийцах.

Я смотрю на С., на Марин и ощущаю жадное желание закурить.

Ты никогда не слышала о *Шахматном убийце*¹?

О *Ростовском мяснике*²?

Ну хоть об *Иркутском монстре*³ ты слышала?

Марин перечисляет имена.

Нет, отвечаю я.

И мне плевать на серийных убийц, в какой бы стране они ни творили свои черные дела.

Напрасно, замечает Марин, это животрепещущая тема, никто пока не ответил на ключевой вопрос, порождает ли каждая страна именно таких убийц, которых заслуживает. Пора кому-нибудь заняться этим вплотную, резюмирует она, добавив свое неизменное «уж ты мне поверь».

Вообще-то, я всегда и во всем верю Марин, даже в особых случаях, по той простой причине, что она моя старинная подруга, хоть и живет теперь за океаном. Марин – востребованный профайлер, работает над самыми запутанными делами, к ней за помощью обращаются полицейские разных стран. Иногда она так пугает меня рассказами об этих расследованиях, что я потом неделями не решаюсь одна садиться за руль. Что может быть парадоксальней: Марин – сама доброта, ей бы работать аниматором в доме для престарелых, а она идет по следу самых ужасных извращенцев планеты. Мужская профессия не мешает маленькой женщине с дурацким каре крепко спать по ночам, у нее отличный аппетит, вечером по субботам она посещает клуб фольклорных танцев Невады, надевает пышное кружевное платье и желтый фартук и пляшет до упаду.

Марин все никак не отстанет со своими убийцами.

Только не говори, что ни разу не слышала об Александре Пичушкине?

Я качаю головой.

Об Андрее Чикатило? Саше Спесивцеве⁴?

Нет.

Не может быть. Марин теряет терпение и сыплет именами. Я мотаю головой, как будто фиги с дерева стряхиваю.

Закуриваю, потому что только табачный дым способен повергнуть мою хладнокровную подругу в состояние, близкое к панике.

Ты просто ужасно выговариваешь русские имена, небрежно замечаю я и выдыхаю густую струю дыма в ее сторону. Марин кривит круглое, как блин, лицо.

¹ Александр Пичушкин (род. в 1974 г.). Прозвище – Битцевский маньяк. Период активности: 2002–2006 гг. После каждого убийства маньяк делал отметки на шахматной доске. К моменту задержания было заполнено 60 из 64 шахматных клеток (убийца заявил следствию, что на его счету 61 жертва). (*Здесь и далее прим, перев.*)

² Андрей Чикатило (1936–1994) – серийный убийца, с 1978 по 1990 гг. совершивший 53 доказанных убийства (сам преступник сознался в 56 убийствах, а по оперативным сведениям, маньяком было совершено более 65 убийств). Расстрелян в 1994 г.

³ Василий Кулик (1956–1989) – серийный убийца и насильник. Работал врачом на станции скорой медицинской помощи. Всего же за два года Кулик убил 13 человек: 6 детей и 7 пенсионерок. Расстрелян в 1989 г.

⁴ Александр Спесивцев (род. в 1970 г.) – российский серийный убийца, маньяк и каннибал. С февраля по сентябрь 1996 года убивший в Новокузнецке 19 женщин и детей.

С. в бешенстве. Он бросает на меня разъяренные взгляды. Говорит, прекрати это, не уточняя, что подразумевает под словом «это».

С. всегда любил встречать между Марин и мной, как если бы мы были сестрами, слишком дружными и одновременно совсем разными, а он – умудренным жизнью седовласым мудрецом «над схваткой». Я знаю, что он когда-то хотел жениться на Марин, а может, до сих пор хочет, поскольку Марин восхищается им как писателем, сама не пишет, а я пишу и думаю то, что думаю, о книгах С. Встревает мой друг и между мной и моими книгами. Он ведет себя так, как будто ушел далеко вперед по дороге к вершине славы и считает необходимым подбодрить меня, чтобы хоть чуть-чуть сократить дистанцию между нами.

Он отнимает у меня сигарету, но не тушит ее в пепельнице, а затягивается, хотя бросил курить десять лет назад, и сообщает нам с Марин и всем, кто сидит за столом:

– На этот раз получилось, меня будут переводить в США.

Звучат возгласы «замечательно», «невероятно», «давно пора», «браво», Марин звучно чмокает С., практически целует его в губы. Ты это заслужил, говорит она, вот увидишь, американцы влюбятся в твои книги, они вовсе не такие тупые, как считают в Европе, они любят лихо закрученные истории, как раз такие, какие умеешь писать ты, добавляет она, наклоняясь к нашему общему другу, а он улыбается Марин, сотрапезникам, жизни и всей планете.

Лихо закрученные истории с хорошим концом, как раз такие, какие ты умеешь писать, повторяю я, чтобы сделать приятное С.

Что ты хочешь этим сказать, вскидывается С., яростно затягиваясь моей сигаретой, как некурящий, бросивший курить десять лет назад.

Я хочу сказать, что американцы обожают лихо закрученные истории с хорошим концом, что очень удачно, поскольку ты именно такие истории и сочиняешь.

Давай уточним, не отстает С., который предпочел бы налить себе еще вина и выпить за американские переводы своих романов в тишине и покое летнего вечера.

Ну, говорю я, коварно помахивая у него перед носом пачкой сигарет без фильтра, американцы смогут наконец прочесть... я обрываю фразу, потому что в голову приходят мысли о множестве неприятных вещей.

За столом возникает спор о кино, и это означает, что наши с С. литературные дискуссии не способны надолго увлечь даже такую крошечную аудиторию, как сегодняшняя.

Кино подавляет литературу.

Спорт подавляет кино.

Деньги губят спорт.

Ну и наворотили!

Где наворотили? – интересуется Даниэль.

Этот фильм не имеет ничего общего с вестерном, заявляет Камилла.

Это название никуда не годится, считает Софи, стоит его прочесть, и фильм можно не смотреть, все и так ясно.

А кто режиссер?

Никогда не слышал.

Не смей меня, какое итальянское кино, нету больше никакого итальянского кино, все вышло, умерло и кремировано.

Кронен – кто?

Что за Кронен, не отстает Гонзаг, который слишком много работает и в кино не ходит.

Берг, отвечает Александр, который не любит фильмы Кроненберга.

Я как жалкая предательница пользуюсь случаем, чтобы переметнуться в лагерь киноманов, и заявляю, что «Оправданная жестокость»⁵ – великий фильм, ну ладно, не великий, но исключительный, хорошо – замечательный, я его раз пять смотрела, уточняю я, и готова еще раз пойти, это ведь о чем-то да говорит, правда, это доказывает, насколько хороши фильм или книга, горячусь я, стараясь не смотреть на С. Вы не видели «Оправданную жестокость»? Я обвожу взглядом Пьера, Камиллу, Александра, Марион, Жана, Гонзага, Софи и даже Даниэль, да, я даже на Даниэль смотрю, она вернулась за стол, она хочет знать, о чем мы разговаривали – о чем это вы тут болтаете? – о фильме, отвечает Пьер, никто его не видел, никто, кроме нее, говорит С., указывая на меня подбородком, мы беседуем о фильме, которого никто не видел.

Меня будут переводить в Соединенных Штатах, сообщает С. Даниэль, она только что вернулась за стол и не слышала хорошую новость, она укладывала малышей, тише, дети, успокойтесь, это же здорово, отвечает Даниэль, да, здорово, подхватывает Марин, может, они и кино по твоим книгам снимать будут, эти американцы? Вопрос задала Ясмينا. Я успеваю опередить С., да, говорю я, конечно, да, да. Они будут снимать фильмы, особенно по лихо закрученным историям с хорошим концом, добавляю я, американцы ведь обожают хэппи-энд, уточняю я для Даниэль, которая все пропустила из-за детей.

Тебе бы следовало активней защищать свои взгляды, цедит сквозь зубы С., сквозь свои идеальные зубы, в как раз тот момент, когда мне самой пришла в голову та же мысль.

Вы же не сцепитесь снова, не испортите нам вечер. Марин обнимает нас за плечи. Я, между прочим, прилетела из-за океана, чтобы с вами увидеться, произносит она тихим голосом – так, чтобы слышали только мы, а потом восклицает, десерты, чудная мысль, Даниэль, перейдем к десертам, самое время.

Итак, подошел час десертов, обсудим десерты. Не пора ли побаловать себя сладеньким, спросила Даниэль, и все ответили да, о да, и голос Марин прозвучал громче других, громче всех остальных, только мы с С. промолчали.

Предлагаю свежий инжир и торты.

Где он? Куда подевался инжир, корзинка пуста, кто все сожрал, нет, ну это уж слишком, правда, это не смешно, а когда выйдет первый перевод твоей книги в Америке?

Через три месяца.

Ты, наверное, ждешь не дождешься?

Да как тебе сказать... у меня столько работы.

А тебя на какие языки переводят, спрашивает Софи, нарезая крупными кусками торт.

На чешский.

Шутишь?

Ну да, конечно, ты ведь знаешь чешский.

С инжиром было бы гораздо вкуснее!

Ее скоро переведут на русский, объявляет С., с видимым удовольствием пережевывая торт своими изумительными зубами.

На русский, хором повторяют едоки десерта.

Сука Амираль начинает поскуливать низким, «мужским», голосом.

Жак толкает ее ногой в бок, звук выходит какой-то слабый, даже нелепый. Морда Амираль вымазана взбитыми сливками. Тембр ее голоса не может сбить нас с толку – мы точно знаем, что Амираль – девочка, верная спутница пары Софи-Гонзаг.

Ах ты, гадкое сопливое дрянцо, приговаривает между тычками Жак.

Иди ко мне, девочка, зовет собаку Софи.

⁵ «Оправданная жестокость» (2005), США, Германия. Режиссер Дэвид Кроненберг.

Придуток, говорит «собачий папаша» Гонзаг своему брату-задире Жаку.

А русские разве читают?

А кто это?

Не так чтобы много, но гораздо шикарней быть переведенным для русских, которые стали читать меньше, чем для американцев, которые отродясь много не читали, объясняет С., поправляя пальцем густые волосы.

Тебе лучше отказаться, советует Марион.

От чего отказаться, спрашивает Даниэль. Она бежит из сада в дом и обратно и все время теряет нить разговора. Да успокойте же вы наконец эту псину, она разбудит детей.

Иди ко мне, детка, говорит Софи не унимающейся Амираль, которая не думает слушаться хозяйку.

Я бы не захотела, чтобы меня переводили на русский. Эти люди снова вооружились до зубов.

Они и так немало бед натворили.

Да уж, натворили.

Дикари, живущие в дикой стране.

Можно заменить инжир ананасом. Кто ходит за ананасом?

Нет, спасибо, у меня ужасная аллергия на ананас.

Тебя правда перевели на чешский, интересуется Луиза.

Да, отвечаю я.

Не думал, что ананас может вызывать аллергию, это что-то новенькое.

Ко мне, малышка, ко мне, ко мне, кричит Софи.

Привезешь мне *iPhone*, когда полетишь в Америку общаться с издателями?

Зачем покупать *iPhone* в Америке, это смешно, цены везде одинаковые, не говоря уж о том, что все можно заказать в Интернете.

Глобализация...

Слово «глобализация» произнес Жонас. В разговоре оно прозвучало впервые. Жонас – сын Гонзага, но не сын Софи, хотя она живет с Гонзагом. Гонзаг и Софи – воссоединившаяся пара. Жонас живет в этом новом семействе, с отцом, мачехой и сладкоежкой Амираль, длинношерстным золотистым ретривером. Хорошо, что Жонас подал голос, пусть даже голос этого молодого – восемнадцати с половиной лет – парня звучит хрипловато и не соответствует его физическому облику крепкого призывника. К счастью, никто не собирается никуда посылать Жонаса, даже на какую-нибудь абсурдную, идиотскую войну. Мы живем в мирной стране, маленькой нейтральной стране, спокойной, надежной, самодовольной. Самодостаточной. И мы поедаем домашние торты теплым июльским вечером, который, возможно, никогда не закончится. Осенью Жонас пойдет в университет, на отделение философии и экономики. Так решил он сам. Жонас – способный молодой человек, предпочитающий изучать все сразу. Он уже придумал тему и название диссертации – «*Общество потребления, или неизбежный провал иллюзорной модели глобализированной капиталистической экономики*», автор – Жонас Шумпетер, весна-лето 2010. Этой работой молодой мыслитель будет заниматься до тех пор, пока его голос не прекратит ломаться. В нашей маленькой, надежной, спокойной и самодовольной стране наши Жонасы давно перестали быть пушечным мясом, они больше не продаются тем, кто окажется щедрее, у них ясные головы, колесики в их мозгах крутятся по часовой стрелке. Все мы гордимся Жонасом. Все одобряют его план, его амбиции, но никого, увы, не интересуют модели, капитализм, абсурдность и глобализация.

И Жонас повторяет срывающимся голосом, в никуда, в пустоту:

– Глобализация...

Привезти *iPhone* из Соединенных Штатов попросил Адриен. С. должен лететь в Америку, чтобы познакомиться со своим заокеанским издателем. Вот пусть и использует время с толком, сделает кое-какие покупки.

Адриен вечно злится на Пьера за то, что Пьер считает *iPhones* и все *Штучки* наглым надувательством и полагает, что нет никакого резона покупать их за океаном, если уж приспичило выкинуть деньги на подобные приспособления. Такова позиция нашего друга Пьера, «приглашенного профессора» физики и математики.

Несешь невесть что, а уж тебе, профессор, это непростительно, говорит Адриен Пьеру. Разговор переходит на повышенные тона.

В Штатах можно купить гаджеты последнего поколения, в Европе торгуют одним старьем.

Ха, ха, ха, смеется Пьер.

Разве за «последним поколением» нужно ехать не в Японию? – тоном знатока спрашивает Марион.

При чем тут Япония?

Киви, наверное, тоже очень аллергичный фрукт, верно? – беспокоится Ясмينا.

Тарелка С. не пустеет. Как и его стакан. Мой друг предусмотрительно поставил рядом с собой три бутылки вина одной марки одного и того же года. Я могу довериться ему с закрытыми глазами – он умеет выбирать лучшее среди очень хорошего. Меня удивляет, что он уже несколько минут хранит молчание, это совсем на него не похоже, впрочем, размышляю я недолго, потому что С. собирается сделать какое-то объявление.

Наш автор, бросает он, даже не потрудившись указать на меня, интересуется бедным олигархом, гниющим в ужасной русской тюрьме.

Все смотрят на меня.

Кем интересуется?

Олигархом.

Не знаю, кто испек профитроли, но с удовольствием съем еще парочку.

Добавь взбитых сливок, будет гораздо вкуснее.

Ты что, рехнулась?!

Кто такой олигарх?

Мерзавец, замаскировавшийся под бизнесмена. В галстук, отвечает С., щуря зеленые глаза, совершенно изумительные мужские глаза.

А, понятно.

Олигарх грабит свою страну, но уже не кладет локти на стол. Когда ест.

Ты правда никогда не слышал об олигархах, Гонзаг? О Ельцинских Мальчиках?

Нет. Кое-что, отвечает Гонзаг, который слишком много работает, в кино не ходит и внешним миром не интересуется.

Но хоть что-то ты об этом знаешь?

Да, да.

Наш автор намерен отправиться в Сибирь, уточняет С., и все желающие имеют возможность убедиться, насколько белые у него зубы и какие восхитительные зеленые глаза.

Все смотрят на меня.

В Сибирь?

Ты едешь в Сибирь?

Они там на чешском говорят?

Что ты забыла в Сибири?

Это рядом с Северным полюсом?

Ты действительно туда поедешь? – волнуется Даниэль.

Да, отвечаю я.

Нет, это не Северный полюс.

Кто-нибудь даст мне сигаретку?

Разве ты куришь?

Сибирь, это в России?

Тогда зачем тебе сигарета?

В Сибири тоже есть серийные убийцы, точно вам говорю, сообщает Марин.

С чего ты вдруг решил закурить, если не куришь?

Курение убивает.

Думать тоже вредно.

Пара Гонзаг-Софи ссорится. Он старается говорить тихо, но все всё равно слышат. И узнают, что ветеринар рекомендовал суке Амираль строжайшую диету и – главное – никакого сахара. Софи укоряет Гонзага – у них совместная опека над животным – за то, что он скормил Амираль три больших куска торта «Захер»⁶, да-да, не отпирайся, я видела. И не прикидывайся невинным зайчиком, три куса, ты ее уморишь, она диабетичка, напоминаю, у нее диабет, а еще ожирение, прекрати ее баловать, я ее не балую, ты ее убьешь, прекрати, слышишь, что я говорю.

Иди ко мне, детка, говорит задира-Жак, брат Гонзага, передразнивая Софи.

Все смеются.

Значит, наша драгоценная подруга познакомится с упрятым в Сибирь олигархом, удивляется Пьер, который терпеть не может пустой треп и вообще не собирался идти на эту встречу.

Его не упрятали, а посадили. В лагерь, уточняет С., набрасываясь на кусок «Черного леса»⁷.

Как это в лагерь? Никаких лагерей больше нет! Ты в курсе, что старик Джугашвили умер?

Что за Джугашвили?

Кто умер? Разве кто-то умер?

Даниэль бегала в дом проверить детей и снова пропустила часть разговора.

Что этот твой тип делает на каторге?

Он не мой, уточняю я.

Кажется, эти олига-как-их-там набиты бабками?

Набиты – слабо сказано, доверительным тоном сообщает С., который не только пьет больше остальных, но и считает себя самым умным.

Джугашвили – это Сталин, старушка, продолжает Александр. Иосиф Виссарионович Джугашвили, он же Сталин. Умер в 1953-м, а сейчас 2007-й.

Ну ты и нагнал на меня страху!

Так я и думал, говорит Пьер. Повторяю свой вопрос: что делает в лагере твой олигарх? У олигархов, вроде как, другие увлечения, эти придурки покупают аэробусы A380, замки за триста миллионов долларов и футбольные клубы, разве нет?

Кому вообще интересна подобная история, встревоженно спрашивает Ясмина.

Какая история?

Ну эта, русская, история.

Ананас остался? Хочу ананаса.

Он хоть красивый, этот олигарх?

⁶ «Захер» – шоколадный торт, изобретение австрийского кондитера Франца Захера. Типичный десерт венской кухни и один из самых популярных тортов в мире.

⁷ Шварцвальдский вишневый торт (торт «Шварцвальд», торт «Черный лес») – торт со взбитыми сливками и вишней. Появился в Германии в начале 1930-х годов, в настоящее время снискал мировую известность.

Ничего, отвечаю я.

Здесь, между прочим, тоже полно красивых мужиков, говорит Софи. Тебе незачем ехать в Сибирь.

Все смотрят на меня.

И правда, оглянись вокруг.

Все смотрят на С.

Ты и русского-то не знаешь, или знаешь?

Кажется, мы ели такие профитроли на дне рождения Анны?

Этот твой тип говорит по-русски?

Он не мой, уточняю я.

Тогда почему ты им занимаешься? – спрашивает Адриен.

Тебе бы стоило ответить на сей изумительный по тонкости вопрос, сладким тоном советует С.

Я испепеляю его взглядом и глажу прижавшуюся к моим ногам суку Амираль. Запускаю пальцы в ее шелковистую шерсть, хотя вообще-то собак не люблю – только кошек, но Амираль никогда не обижу, и животное это чувствует, даже земляной червяк почувствовал бы.

С. перебирается поближе к Марин, Марин, которая сделала стрижку «каре» и перелетела через океан, чтобы поприсутствовать на вечеринке, и наверняка задержится на несколько дней в нашей старушке-Европе, чтобы отдохнуть от своих убийц *up to dale*⁸. Итак, С. обволакивает Марин взглядом своих зеленых глаз. И она решает проинформировать всех, кто не занят разговорами об ожирении, диабете и ветеринарных заморочках, что наша авторесса (ей почему-то кажется забавным придуманное С. определение) вполне могла бы, раз уж ей не терпится вернуться в Россию по никому не понятной причине, заняться воистину «золотым» сюжетом, который сама же Марин ей и подсказала, а именно – русскими серийными убийцами, с ними мало кто может сравниться, поясняет Марин, называет несколько имен и дел и говорит, что им даже американские серийные убийцы в подметки не годятся, уж вы мне поверьте, и все верят.

Всем становится чуточку не по себе из-за того, что планета населена садистами, развратниками и всяческими чудовищами, и, хотя мы предпочитаем о них не думать, иногда бывает приятно об этом вспомнить.

О да, еще бы, Марин права, серийные убийцы куда интересней олимнархов, окираков, оликаров.

Олигархов, Софи, это русское слово, оно происходит от корня... э-э-э... от корня...

Вовсе нет, фальцетом восклицает юный Жонас.

Его энтузиазм и ученость радуют глаз и ухо, поскольку *oligo*, на самом деле, означает «немногочисленные», а еще, а еще, лепечет он, еще есть другой корень, греческий – *arkhe*, что означает управление, а значит, значит...

Ладно, хватит. Софи «затыкает» новобретенного пасынка, что, судя по всему, вошло у нее в привычку. Не самую лучшую привычку.

Сотрапезники перешептываются, переговариваются и в конце концов приходят к общему мнению, да, серийные убийцы и впрямь интересней всех этих «олиштучек», любой тебе скажет, кто хочешь скажет.

Сюжет может выйти понапряженной.

И позавлекательней.

⁸ Современный; соответствующий современным требованиям; новейший (англ.).

С точки зрения жизненного опыта, а также...

Слышала? – спрашивает С. – Твой бедолага Ходорковский никого не интересуется.

Сколько он убил?

Кто?

Ну этот, о котором ты только что говорил.

Михаил Ходорковский? Он не серийный убийца, а олигарх-каторжанин. Ты что, действительно никогда о нем не слышал? – удивляется С.

Не может быть, его правда так зовут, твоего олигарха?

Все смотрят на меня.

Он не мой олигарх, уточняю я.

Я вам уже говорила, Шахматного убийцу зовут Александр Пичушкин, сердится Марин, он лишил жизни сорок восемь человек, ну, около того, следствие в России проводится так... сами понимаете... короче, он хотел, чтобы жертв было шестьдесят четыре, по числу клеток на шахматной доске, отсюда и его прозвище, уточняет наша профайлерша – она во всем любит точность.

Не злись, русские имена такие сложные!

Извини, вмешивается в разговор Александр, но Кодаковский звучит не похоже на Пичушталин.

Голос Жонаса, о котором все забыли, заполняет возникшую в разговоре паузу, он сообщает, что олигархия это политический режим, при котором власть сосредоточена в руках нескольких могущественных лиц или семей, и... ну, возможны варианты, в зависимости от географической широты.

Все ошарашенно смотрят на Жонаса.

А Жонас улыбается, потому что новообетенная мачеха в кои-то веки не перебила его.

Значит, все старо как мир, замечает Пьер, олигархии существуют повсюду, это самое распространенное политическое устройство на планете.

Вот видишь, говорит С., и мне хочется науськать суку Амираль на его длинные, с проседью, волосы и чудные смеющиеся глаза.

К счастью, Даниэль сумела ухватить обрывки разговора, разливая кофе. Как гостеприимная хозяйка – все хозяйки гостеприимны, – она предлагает компромисс: я могу заниматься и серийными убийцами, и олигархами. Не бросай ни один из сюжетов, советует она, и вообще, они вполне могут переплестись, и тогда возникнут новые линии. И никто не поймет, что речь идет о русской истории, и многим будет интересно.

Отличная идея, поддерживают Даниэль присутствующие.

Можно получить чашку безкофеинового кофе? Ясмينا уверяет, что не сомкнет ночью глаз, если так поздно выпьет нормального кофе.

А кто тебя просит спать сегодня ночью?

Интриги, пачки денег, ушаты крови, что может быть вульгарней? – спрашивает Жан.

Ах, Жан!

Да ладно тебе, Жан!

Мы знаем, что ты читаешь, Жан, но это не значит, что все должны читать то же самое. Посмотри, в каком ты состоянии!

Пьер не побоялся произнести это вслух. Жан и правда пребывает в странном состоянии, он сжигает свою жизнь, балансирует на грани между депрессией и психозом.

Лично я очень люблю Жана. Все остальные его, конечно, тоже любят, но в первую очередь побаиваются. Я воспринимаю Жана как надежду и опору, нас словно бы связывает далекое прошлое, что-то наподобие амниотической жидкости.

Я незаметно подмигиваю Жану, что, конечно же, замечает С.

Мой друг С. всегда настраивал меня против моего друга Жана. Он чокнутый, твой Жан, понимаешь, буйнопомешанный. А вот Жан никогда ничего не говорит о С., для него это самый простой способ показать, что С. для него – пустое место. Ну, практически пустое.

Вот так этим бесконечным июльским вечером я застряла между делящейся улыбкой Жана и долгим настойчивым взглядом зеленых глаз С. А вот Амираль скрылась в темноте сада, так что гладить мне больше некого. Софи отправилась искать ее, Гонзаг пошел следом, а Даниэль услышала какой-то шум в доме, это наверняка проснулись малыши. Все мои пачки сигарет – с фильтром и без – пусты, хотя курила я мало, а вокруг сидят завязтые противники курения. Непьющих почти столько же, сколько некурящих, тем не менее многие бутылки пусты. Даже лимонные свечи и те выдохлись и вот-вот погаснут.

Пьер пользуется опускающейся на нас дремой и заводит разговор на излюбленную тему, о физике-математике, которую сегодня, черт побери, невозможно преподавать, как в былые времена.

Осознаем ли мы?

Понимаем ли причину этого явления?

Не так чтобы очень.

На самом деле, все просто. Ученики – бестолочи. Даже студенты университетов ничего ни в чем не смыслят, не могут написать связную фразу на французском. Сколько законченных идиотов приходится на одного умника Жонаса, задается риторическим вопросом Пьер, но хуже всего то, что этим идиотам направо и налево раздают дипломы, цена которым – погнутый ржавый гвоздь. Гвоздь, который только на то и годится, чтобы на нем удавиться.

Адриен совершенно согласен с Пьером, и Ясмينا тоже согласна, и даже Марин, она не слишком разбирается в теме, но разговор поддержать может.

Жонас молчит. Он выглядит усталым. Наверняка не привык засиживаться допоздна, а может, устал от взрослой компании, взрослые полагают, что все обо всем знают, высказываются обо всем и ни о чем – в основном ни о чем, не слушают его и все время перебивают. Повзрослевшие юноши выглядят крепкими, но быстро устают, что странно, по логике вещей, они должны быть намного выносливей сорокапятiletних, но то и дело ломаются, спят как убитые по семнадцать часов кряду, к тому же, они немногословны, говорят только по делу – чего бы поесть, у меня кончились деньги, ты постирала?

Светлячки мечутся над столиками с остатками «Черного леса», профитролей и торта «Захер». В саду стемнело, цвета сливаются, белоснежные взбитые сливки неотличимы от желтого ванильного соуса, зеленые глаза С. от голубых глаз Жана. Все выглядят объевшимися, обпившимися – в том числе непьющие, и обкурившимися – особенно некурящие. Столы напоминают поле брани после боя, силуэты кажутся оплывшими, обмякшими, голоса звучат протяжно, тосты произносятся сбивчиво, а горизонты не выглядят столь уж радужно-счастливыми, да и были ли когда-нибудь таковыми?

Какой прекрасный июльский вечер, теплый, долгий, наполненный счастьем разделенной дружбы. Спасибо, Даниэль, спасибо, спасибо, спасибо тебе за чудесную вечеринку!

и за дивные профитроли,

и как славно, что скоро отпуск,

и все неопределенно,

и будущее так смутно,

оно пугает, пугает.

Эй, ребята, вы ходите по кругу.

Мы ходим по кругу.

Ах ты господи.

Жан

Я должна кое-что рассказать о моем друге Жане, потому что этот человек, лишившийся почти всех волос и расставшийся с большинством иллюзий, вбил себе в голову, что отправится вместе со мной в Россию. Что проделает хотя бы часть пути – ему хватит и короткого отрезка. Думаю, я знаю, почему он хочет вернуться в страну, в которой не был пятнадцать лет. Ее зовут Елена, и она вовсе не длинноногая блондинка, и не потрясающая красавица, какими считают русских женщин западные мужчины (бедняги судят по гляцевым журналам). Итак, в двадцать лет Елена не была белокурой дылдой. А «взрывоопасной» была, и жестокой, если мне будет позволено высказать свое мнение, хотя никто им не интересуется, и я не знаю, жива ли еще эта женщина.

В тот день, когда Жан сообщил, что хочет поехать со мной, если я и вправду решу вернуться в Россию, мы гуляли под ручку по кладбищу. Я как раз закрывала за нами ворота, когда Жан – он был уже внизу лестницы – вдруг сказал, что вернуться в эту чертову страну – неплохая идея. Вообще-то, он выразился грубее: в эту *чертову гребаную страну*. Пока я осторожно спускалась на высоких каблуках по поросшим мхом ступеням – Жан сразу сказал, что гулять на высоких каблуках нелепо, – мой спутник пустился в рассуждения о народных страданиях. О бедах народов, нуждающихся в герое. Жан разглагольствовал, бредя мимо могил по кладбищенской аллее. В тот момент, когда я снова взяла Жана под руку, он сказал, что это и моя проблема, после чего мы ускорили шаг, и его монолог превратил нашу прогулку в марш-бросок. Он стрелял по видимым целям – уничтожал народы, нищету, бывшую подругу, меня и моего дурацкого олигарха, «твоего арестанта класса люкс» – так он его обозвал тем майским утром.

– Ты говоришь это из-за Елены!

Я прервала поток критических замечаний Жана, назвав всего одно имя. Его лицо стало землисто-бледным.

– Заткнись!

Я не заткнулась. Елена, оружие массового поражения для повсеместного использования. В прошлой жизни, в Москве, Жан влюбился в женщину: она часто и звонко смеялась, а глаза у нее были темные, как миндаль от лучшего кондитера. Елена была музыкантшей – играла на виолончели, по мнению Жана, просто гениально. Он питал к ней пылкую страсть и тронул сердце Елены. Она привнесла в банальный роман извращенную жестокость, и Жан много лет ужасно страдал, потому что любил слишком сильно, а Елена пролила много слез, потому что любила недостаточно сильно. Я общалась с ними обоими и наблюдала за развитием их трагической истории. Сначала я познакомилась с Жаном – в Москве, в метро. Он меня спас. Это случилось очень давно, в дождливом июле. Я упала в обморок, выйдя из вагона метро на платформу. Причиной тому были усталость, обилие новых впечатлений, скудная еда и неумеренная выпивка. В тот день я гуляла по городу одна – моих знаний русского хватало как раз на то, чтобы разобрать названия улиц и остановок. Мои русские друзья жили далеко от центра, в тот день у каждого из них были занятия, а я познавала город, как инопланетянка. Наблюдала, ужасалась, а по ночам мы обсуждали мои впечатления. Мне дали прозвище «акула капитализма», что в стране реального социализма звучало довольно остро. Я родилась по другую сторону «железного занавеса» и выросла в маленькой сказочной стране, где все подчиняется строгому порядку, даже облака над горными вершинами. Об этой крошечной – до смешного – стране моим друзьям было известно, что она красивая, что там жили в изгнании не только великие русские писатели, но и пламенные революционеры. Поскольку отношение к последним в России стало неоднозначным, друзья часто меня

подкалывали – «Еще раз спасибо за подарочек!», – мол, нечего было давать приют будущим кровавым героям русской истории. Что тут скажешь: в Женеве и Цюрихе «розовые» и «красные» сочиняли революционные воззвания, плели заговоры и клеймили преступный царский режим. Благодарение Богу – все они, один за другим, сели в идущий на Восток поезд – «чух, чух, чух» – и избавили нас от своего присутствия! Швейцарские горы остались стоять, как стояли, облака как плыли, так и плывут, а необъятная Россия взорвалась – «бум, бум, бум», так что еще раз большое спасибо. Я смеялась и плакала вместе с новыми друзьями, на дворе был 1987 год, маховик крутился вхолостую, к рулю встал человек с родимым пятном на лбу, а мы, молодые кретины, совсем перестали спать. Мы пили и бодрствовали, чувствуя, что история вот-вот изменит курс и жить станет ужас как весело. Ни больше, ни меньше. Есть возражения? Ни одного. Тогда выпьем!

Меня называли акулой, и я, уподобившись опасной морской хищнице, плыла против течения, чтобы разобраться в жизни общества, о котором раньше только читала в умных книжках. Я наблюдала за сумятицей жизни, смотрела, как они стоят перед пустыми полками магазинов, слушала – не понимая смысла слов, – как они переругиваются. Иногда доставалось и мне: нечего глазеть на то, что тебя не касается. Мне часто казалось, что я отяжелела и стала хуже дышать, потому что пыль забила бронхи, как отраву.

В тот день, в тот самый день, когда я потеряла сознание в московском метро, друзья ждали меня в общежитии, где все мы спали вповалку. Предупредить их я не могла, и они ужасно беспокоились. Мобильных телефонов тогда еще не было, а «управляемая» партией экономика вообще мало что производила – разве что бесформенную серую массу, стоящую в очереди за тем, «что дают». Страна агонизировала, жила по талонам, задыхалась под спудом запретов и создавала новояз, чтобы отгородиться от наводящей тоску реальности. Даже летом там было жутко холодно. Но мы не мерзли, потому что были молоды и нетерпеливы. Мы восхищались человеком с родимым пятном на лбу – его фотографии печатали все газеты и журналы страны. Нам казалось, что на самом дне его глаз плещется новая жизнь. Мы говорили – смотри, смотри, но наши голоса дрожали. Мы тряслись от страха, боялись, что несколько толчков и новые слова «перестройка», «гласность», «ускорение», «совместное предприятие» – мы произносили их шепотом, как стишок-заклинание, – ничего не смогут изменить.

Тогда, в метро, меня спас Жан. Я вышла из битком набитого людьми вагона на станции «Маяковская» и рухнула на платформу. Сначала к горлу подступила тошнота. Я успела привыкнуть к неотвязному кислому запаху (так пахнет свернувшееся молоко), заполнявшему все места людских скоплений, но на сей раз густая вонь проделала брешь в моем желудке. Мозг лишился доступа кислорода, поддался панике, и я отключилась прямо у подножия эскалатора. Я не успела ни позвать на помощь, ни уцепиться за одну из уборщиц. Эти невзрачные сутулые женщины, по словам моих друзей, получают больше любого интеллектуала, ведь в этой стране ценности перепутаны, все поставлено с ног на голову. Толпа не остановилась – разве что расступилась, как вода, обтекающая камень. Я поняла это несколько дней спустя – у меня все тело было в синяках: сотни ног, обутых в ботинки и туфли модели «Победа пролетариата», пинали и двигали мое брэнное тело, валяющееся на роскошном мраморном полу станции метро «Маяковская». Тело – всего лишь тело, не более того, так с давних пор повелось в этой стране. Один человек – мужчина, иностранец – разглядел лежащую без чувств женщину и бросился на помощь. Это был Жан. Жан того далекого времени – хрупкий, нервный, с худым лицом и высокими скулами, в куртке явно не «местного» производства. Его «нездешний», даже эксцентричный вид поразил мое воображение, когда я открыла глаза. Сначала незнакомец тряс меня за плечи и что-то говорил по-русски, потом запаниковал и

перешел на родной французский. С того дня как мы выбрались из чрева московского метро под июльский дождь, прошло ровно двадцать лет. Мы с Жаном стали друзьями – ни у него, ни у меня нет человека ближе.

Когда мы в мае гуляли под ручку по кладбищу, я выяснила, что он, в отличие от меня, не забыл русский разговорный.

– Помнишь вкус московского мороженого?

– Мо-ро-же-ное...

– Мы ели ванильное?

– Какая разница, такого все равно больше нет. Ты ведь не думаешь, что все исчезло, а мороженое осталось?

Мы очень любили эту страну, особенно людей, которых там встретили. Мы любили их вопреки здравому смыслу, не пытаюсь понять за что, как будто в те далекие времена чувства превалировали над разумом и были главными в жизни. Там мы проживали и чувствовали то, чего никогда не испытаем дома. Россия была огромной и вечной, ее История вкупе с веселым безумием подавляла в нас здравый смысл.

А еще была история любви Елены и Жана, такая пронзительная, что даже мы, их друзья, чувствовали в ней соль нового романтизма, который позволит нам однажды написать несравненно прекрасные книги. Мы воспаряли в мечтах, разрываясь между восторгом и отчаянием, отлично понимая, что творившие до нас писатели – мертвые писатели – на самом деле не умерли и пребудут в веках. Нас не пугали ни холод, ни снегопад, мы ходили по московским улицам, ели мороженое с неповторимым вкусом и ароматом – я больше нигде и никогда не пробовала ничего подобного, мы прижимались друг к другу, чтобы согреться, и каждый рассказывал остальным содержание очередной написанной главы. Елена расшила пальто Жана красными гвоздиками. Это выглядело невероятно. Но это было. Жан провел ночь на выстуженной лестничной площадке, поджидая Елену, которая упорхнула к очередному «любовнику-на-час». К любовнику-одно-дневке. Бедный Жан... Мы упивались бархатным сумраком города и волнующей историей любви, разворачивающейся на наших глазах в черно-белой стране.

Когда снесли Стену, жизнь Жана перевернулась. Он потерял Елену, а с ней и географию, и всю несущую конструкцию мира. Теперь он медленно угасает, как и многие другие представители нашего поколения, которым больше не за что умирать.

Ни он, ни я не знаем, что стало с Россией. Ни он, ни я понятия не имеем, живы ли Елена с ее виолончелью, Александр с его амбициями, Игорь с его талантами, Антонина с ее писательством, Лев и его отчаяние, Екатерина и ее романы. Мы обо всем забыли. Наступило новое время, было слишком много работы, все изменилось. Мечты никогда не воплотятся в реальность. Сегодня мы с Жаном можем только строить предположения и по большей части расходимся во мнениях. Нам известна лишь медийная история новых варваров – тех, кто отхватил жирные куски разваливающейся страны, набил карманы и продолжает обогащаться. Мы понятия не имеем о реальной жизни сотен тысяч русских, оставшихся на поле боя, но наше воображение способно это домыслить. Я упрекаю Жана за то, что он живет прошлым, а ему не нравится, что я интересуюсь только будущим. Он смеется, когда я пытаюсь поговорить с ним о Михаиле Ходорковском. Его изумляет моя наивность. Он говорит, что я олицетворяю собой весь трагизм наивности. Так он заявил в мае, когда мы гуляли под кипарисами. Жан считает Ходорковского обычным олигархом, таким же продажным и

порочным, как все его собратья. Я же воспринимаю судьбу этого человека как знак. Ясный, недвусмысленный знак.

– Ха, ха, ха.

– Еоворю тебе, это знак. Можешь объяснить, что такой человек, как он – мультимиллиардер, нефтяной король, – делает на русской каторге? Он мог сбежать – улететь на личном самолете, или договориться с властью, «лечь под нее», как поступили все, кто хотел продолжить делать дела. Но не сбежал, решил рискнуть. Дал себя арестовать, судить и приговорить, прекрасно зная, что его ждет и с кем он имеет дело. А теперь тянет срок в Сибири. В колонии общего режима.

– Какой ужас!

– Это не смешно, Жан.

– Не смешно.

– Ты мог бы меня выслушать.

– Мог бы.

– Вещи не всегда так просты, как кажется.

– Вещи – нет. Человеческие существа – да.

В тот день, когда Жан согласился на прогулку, хотя почти всегда отказывается выходить, и заявил, что собирается поехать со мной, я ощутила себя невесомой и счастливой, как бабочка в первый весенний день. Я посмотрела на моего спутника и поняла, что так сильно хочу, чтобы бледный, потерявший все волосы Жан стал прежним, что согласна видеть рядом с ним Елену, вернуть его в ту линияющую Россию, которую мы когда-то вместе узнавали, лишь бы он снова научился плакать настоящими слезами. Я была так счастлива, что почти забыла все те злые, жестокие слова, которые он только что произнес.

– Преклони колени, дорогая – здесь, между крестами, – и помолись за твоего каторжного Иисуса Христа. Ну же, давай!

– Не дразни меня, Жан.

– Он такой трогательный, этот твой миллиардер на заклатание.

– Прекрати.

– О, мой нежный агнец нефтяных скважин, аминь.

– Я задала тебе вопрос. И жду ответа. Скажи мне, что этот человек делает на каторге?

– Он считал себя самым умным, хитрым и крутым, моя бедная наивная девочка. Твой Ходорковский верил, что «сделает» их всех, но «сделали» его.

– И что же будет дальше?

– В конце герой погибает, дитя мое.

– Я никогда не называла его героем, Жан, а вот ты все время используешь это слово.

– Но ты в это веришь, что еще хуже.

– Ошибаешься.

– Твоего беднягу отравят. Или подождут, когда его убьет радиация.

– Почему ты не хочешь понять, что я пытаюсь сказать?

– Потому что ты не произнесла ничего внятного.

– Я утверждаю, что любой человек, ставший очень богатым, способен делать одно – богатеть дальше. Это детский подход, но так поступают все набобы нашего мира, их принцип – «цель оправдывает средства». Все, кроме Ходорковского.

– Твой герой нашего времени.

– Довольно, Жан.

– А известно ли тебе, что герои – самые эгоцентричные люди на свете?

– Как бы ты поступил на его месте?

– Герой всегда все рушит, какие бы идеи он ни исповедовал, запиши это крупными буквами в твой розовый альбомчик.

– Я задала вопрос.

– Крайне левые и крайне правые, центр и середина, крайний центр и крайняя середина – наше время испробовало все. Черные книги на всех полках. Тебе бы стоило прочесть и усомниться.

– Ты безнадежен, Жан.

– Десятки альтруистов, замечательных, исключительных людей принимали изумительные решения, делали смелый выбор, но все всегда кончалось напалмом, газом, обогащенным ураном, грязной бомбой, противопехотными минами, разрывными пулями и фосфором. Целая физико-химическая диссертация...

– Жан...

– Знаешь, почему с героями все всегда так плохо кончается? Потому что у них большие руки, большие глаза, большие зубы и – главное – большое сердце, а любят они, в конечном итоге, одну единственную вещь – собственную позу. Будь ты героем, дражайшая Валентина, любила бы себя еще больше, чем любишь сейчас, да, да, именно так, это и ко мне относится. Увы, у меня нет сил даже на героические помыслы.

– Ты...

– Хочешь знать, что сделал бы на месте Ходорковского я?

– Да.

– Повел бы себя, как он. Хлебал бы лагерную баланду и смиренно ждал, когда мое униженное положение принесет дивиденды в виде всеобщего восхищения.

Еще несколько слов о Жане

Все, что случилось после того, как Жан спас меня, выдернув из-под ног толпы на станции метро «Маяковская», исчезло. Остались только мы. И наша дружба. А еще – болезнь Жана и наша дружба, которую не разрушила его прогрессирующая болезнь. Не знаю, почему мы так близки. Если бы знала, наверное, унесла бы ноги. Когда у моего друга случается очередной кризис, он на какое-то время «сдается» в клинику. Я часто его навещаю, и как-то раз, в мае, он согласился немного погулять. Обычно Жан отказывается выходить. В то утро я пришла рано. Открыла окно в палате, спросила: «Не хочешь пройтись?» – и он не сказал нет. Было начало мая. Я оделась легко, даже кокетливо, а Жан был в своей обычной одежде, такой серой и поношенной, что ее и назвать-то никак невозможно, одному Богу известно, чем «это» было изначально – пальто, пиджаком, плащом или халатом. Свою бесформенную серую древность Жан таскает на плечах от зимы до зимы. Мой друг вечно мерзнет – независимо от времени года, наверное, из-за проклятых медицинских процедур.

В то утро я была на высоких каблуках. Мы шли по парку, я держала Жана под руку, и он вдруг сказал, что я смешно выгляжу в этих изящных туфлях. Я не стала спорить и произнесла что-то восторженное насчет деревьев, как будто только что заметила, как они прекрасны, словно не он, а я живу взаперти в палате на четвертом этаже больницы. Все клиники на свете окружены роскошными парками. Эти парки – воплощенная ложь в натуральную величину, ими восхищаются, их обсуждают, принято считать, что все мы – молодые и старые, больные и здоровые – испытываем одинаковое глуповатое блаженство при виде красивых клумб и аккуратно подстриженных кустов. Но я точно знаю, что пациенты клиник не такие, как вы и я. Знаю, что мой друг Жан – такой близкий друг, что уже и не друг, а почти брат, нет, полубрат, вторая его половина это болезнь, – так вот, он не всегда похож на нас с вами. Несходство в том, что в определенные периоды своей жизни он не открывает окон, держит закрытой дверь и даже не выглядывает на улицу. Когда на Жана «накатывает», он уходит из дома и проводит какое-то время в больничной палате. Так лучше для него и для окружающих, для семьи и друзей, потому что Жан начинает всего бояться, даже себя самого. Его пугают собственные мысли, желания и даже любимые кошки – он подозревает, что они строят против него козни. В клинике все отлично устроено. Сиделки заходят в палаты, открывают ставни, говорят: «Как чудесно сегодня светит солнце, какой дивный у нас парк...» Это обязательный ритуал, медицинская процедура – чтобы пациенты не перемерли. Жана точно давно не было бы на свете, умер бы от недостатка кислорода, не распахивай сестрички створки окон.

Я прихожу к Жану по вторникам и иногда в воскресенье, сразу открываю окно, но не лепечу жалких слов ни про солнце, ни про парк. Просто молча делаю свое дело. Я ведь не работаю в клинике. И не имею ничего общего с их выкрутасами. Я прихожу к Жану, моему полубрату, четвертый этаж, первый коридор налево от лифта. Дует ли ветер, моросит ли дождь, холодно на улице или жарко, я кидаюсь на шпингалет, как обезумевшая муха.

В марте 2004 года состояние Жана снова ухудшилось. Это был трудный месяц. Жан рассказал, что администрация больницы собирается установить решетку на окно в его палате. «В качестве меры предосторожности», – со смехом поясняет он, лежа на белой кровати.

Сегодня мой друг больше не смеется. Решетку так и не поставили. Спросите почему? В голове у Жана нашли пятнышки, наподобие крошечных пауков, они-то и провоцировали его состояние. Взглянув на увеличенные снимки пресловутых «пятен», любой бы засомневался, но врачи объяснили: маленькая опухоль может грозить большими неприятностями. Мерзкие твари способны сплести гигантскую паутину, какой никто никогда не видал. Вот такой

уверенный вывод они сделали. Так депрессия Жана из проклятия нашего времени превратилась в войско захватчиков, которых можно победить, выбрав правильное оружие. Война идет уже три года. Сражение продолжается, и я молчу. Я так и не осмелилась сказать Жану, что предпочитаю смех чувству безопасности, как бы жестоко это ни звучало. Если бы решение проблемы было технологичным и на треклятое окно поставили решетку, мы с Жаном продолжили бы обмениваться страшноватыми шуточками. Увы, окно не тронули, зато все остальное – включая смех – подвергли химиотерапии. По этой причине я не лезу к Жану с разговорами, когда прихожу, а просто открываю окно и проветриваю палату. Я навещаю его по вторникам, но часто бываю и по воскресеньям, потому что воскресенье – самый печальный день Творения. В этот день грустно всем – и пациентам клиники, и тем, кто на воле. Нам с Жаном повезло – мы с ним хорошо знаем, на что похожа эта печаль. Она течет мимо нас бесшумным коричневато-серым потоком. В обществе Жана печаль самого печального дня Творения превращается в водный кусочек географии. Это очень утешает.

Иногда по воскресеньям я хожу в кино, или читаю, или пишу, или встречаюсь с друзьями. Или сплю с любовником. Все мои любовники – «командировочные». Высокие и красивые. И все похожи на С. Они, конечно, не С. – тут я начеку. Бывают воскресенья, когда я забываю о Жане – из-за кино, постельных увеселений или вечеринки. Но в большинстве случаев воскресная река несет меня в больничную палату моего друга, хотя во вторник я его уже навещала. Войдя, я сразу открываю окно. Потом предлагаю ему прогуляться. Он отказывается. Говорит: «Посиди со мной...» – и я пристраиваюсь на краешке кровати. Жан делает мне комплимент – или не делает. И я очень скоро понимаю, что набралась мужества. Возможно, это не мужество в прямом смысле слова, но сила, которой я не обладаю в другие дни недели. Благодаря этой силе я могу смотреть в лицо моему брату, держать его за состарившуюся прежде времени руку и не отводить взгляда от его светлых глаз, видевших границы миров. Я сочиняю для него истории о погоде, запахах, звуках и, конечно, ритмах, и Жан в конце концов отпускает мою руку и тихонько отбивает такт на белой простыне своих провалов. Мои рассказы подобны обрывкам мелодий и жестов, в которых Александры ведут свои жалкие сражения, а Адрианы угасают, лишившись империи, в окружении варваров.

Жонас

Молодой Жонас позвонил в мою дверь поздно вечером. Он волновался, я поняла это, когда он представился в домофон, и убедилась, что не ошиблась, когда открыла дверь. Ничего удивительного, я тоже не думала увидеть его на лестничной клетке. Он наверняка ехал на поезде, на автобусе, может быть, на такси, и вот оказался перед женщиной, передо мной, малознакомой женщиной, подругой отца, ровесницей отца, ему я точно не подруга, а так, знакомая, из компании отца.

Я пригласила Жонаса войти. Пока он разувался, я строила предположения, какое несчастье могло произойти, например, с его отцом Гонзагом, остановка сердца – почему бы и нет, это часто случается с пятидесятилетними трудоголиками, или с его мачехой Софи, впрочем, несчастье с Софи вряд ли толкнуло бы молодого человека к моей двери – или все-таки толкнуло бы? Вполне вероятно, что дело в суке Амираль, золотистые ретриверы могут страдать синдромом скоропостижной смерти, откуда мне знать? Я перебирала в уме варианты, а мой разувшийся гость пребывал в сомнениях насчет пиджака – снимать, не снимать? Я отметила про себя, что кожа снова вошла в моду у молодых, и протянула ему вешалку.

Ведомая нелепым рефлексом, проистекающим из отсутствия опыта общения с детьми и подростками, я спросила Жонаса, не голоден ли он. Вопрос показался мне вполне логичным: молодые должны есть и едят все подряд, так почему бы не поесть как положено, в нормальных условиях. Жонас отклонил мое предложение – просто отказался и не счел нужным объясниться, сказать «спасибо, я уже поел» или «спасибо, не хочу». Тут я подумала, а ведь гость не предупредил меня о своем визите, хотя легко мог это сделать, воспользовавшись одним из современных навороченных средств связи. Все знают, что молодежь способна за секунду связаться со всем миром и ей для этого не нужно вчитываться в инструкции по применению, а вот представители моего поколения тратят уйму времени на их изучение и в результате все равно пользуются всяким старьем. И вот молодой человек ведет себя так, как будто живет в эпоху телефонов-автоматов, когда у людей вечно не оказывалось в кармане монетки или жетона. Меня это почему-то очень тронуло, и атмосфера разрядилась.

Жонас совсем не похож на своего отца Гонзага. Возможно, он пошел в мать, как там бишь ее звали, кажется, Флора. Тыщу лет ее не видела. Достаточно взглянуть на Жонаса сегодняшнего, чтобы понять, как неумоимо время, когда-то этот молодой человек был грудничком, которого я наверняка качала на руках. Интересно, успела я подарить мальчику пожарную машину, пока в этом еще был смысл? Или, скажем, книгу о пожарных лестницах?

Я пригласила Жонаса на кухню, выбирай стул, да, садись, где хочешь, и едва удержалась от вопроса о пожарной машине. Неуместное любопытство, сентиментальная потребность услышать в ответ, что он ее сохранил – ну конечно, а как же иначе, такая красивая игрушка! – и поверить, что сегодняшние дети не отличаются от вчерашних, какое счастье, ничего не изменилось, совсем ничего, разве что две или три небольшие детали. Я промолчала. Посмотрела на него и поняла, что мы не станем говорить о его детстве. В возрасте Жонаса главное место отведено будущему, в основном – ближайшему. Я прочла это по его глазам и не до конца оформившимся чертам лица. Жонас заговорил прежде, чем я успела сесть.

– Вот о чем я подумал. Поскольку ты скоро уедешь в Россию, я мог бы обосноваться здесь. Пожить у тебя. Возьму на себя все хлопоты. Если я буду тут, твою квартиру не обво-

руют. Я позабочусь о животных и цветах. Это практично. Для тебя, пока ты будешь в Сибири. Ну, и для меня тоже.

- Неужели?
- Да.
- Понятно.
- Да.

Жонас больше не хрипит. Неужели голос мог сломаться всего за несколько недель? Или это действие особых, неизвестных мне гормонов, которые «охри-пляют» голоса молодых мужчин только в определенное время суток? Хорошо бы, мой собеседник произнес еще несколько фраз, тогда я смогу проверить свою гипотезу, но он задает короткий вопрос:

- Так ты согласна?

Нужно было отвечать. Неожиданное предложение мне понравилось. Я находила его тем более оригинальным, что сама никогда бы о таком не подумала. Но запретила себе высказываться на эту тему. Меня сдерживала мысль об отсутствии опыта общения с молодыми людьми и полном непонимании проблем воспитания. Кроме того, на расстоянии вытянутой руки от моего стула стоял мой призрачный двойник, он смотрел на нас с Жонасом и цедил сквозь зубы *будь осторожна, осторожна, ты ничего в этом не понимаешь, бедная моя старушка, смотри не вляпайся, может, этот парень в бегах, замешан в темных делишках, может, он балуется членовредительством или пытался покончить с собой, может...*

Господь свидетель, за свою жизнь я видела множество страшных фотографий и слышала не меньше трагических историй. В этом возрасте все взрывоопасно и крайне деликатно. Это известно даже таким, как я, подкованным теоретически, но никак не практически. Я способна очень точно и подробно описать, как скрытый семейный конфликт переходит сначала в острую фазу, потом достигает крайней стадии и в конечном итоге становится неуправляемым. И очень этим горжусь. О семейных отношениях я знаю бесчисленное количество вещей, применимых к любой конфигурации, например, к структуре смешанной семьи Гонзаг-Софи-Жонас. Плюс сука Амираль, куда же без нее, собак и кошек тоже следует принимать в расчет – больше, чем рыбок и хомячков. Я всегда подозревала, что эти знания необходимы, а с момента прихода Жонаса еще лучше понимаю, насколько полезны все эти знания, почерпнутые из газет, журналов, телепередач, услышанные от подруг – матерей и бабушек, все эти реалии вошли в мою жизнь и угнездились у меня в голове посредством чтения и просмотров. Иными словами, я стала всезнайкой, хоть и не таскала годами тяжелых сумок, не занималась стиркой, не ходила по магазинам и не участвовала в бесконечных семейных сценах. Это отличная новость как таковая. Мне также известно – опять-таки из репортажей и теленовостей, что мрачные мысли, появляющиеся из-за ничтожных пустяков, часто доводят многообещающих молодых людей до самоубийства. Всегда нужно об этом помнить. Значит, Жонас мог совершенно сознательно выбрать меня, заменить мною надоевшую мать или оплачивающего все счета отца, двух безусловно достойных, но совершенно ничего не понимающих в его проблемах людей.

Итак, вчера вечером я пробиралась по заминированной территории под взглядами моего брюзжащего двойника и ожидающего ответа Жонаса. К счастью, я понимала, что имею дело с неординарным молодым человеком. Достаточно было сравнить Жонаса с любым другим представителем его поколения, чтобы понять: заурядные личности не способны найти корень слова «олигархия», даже если ужасно хотят поразить воображение аудитории. Большинство из них не станут писать диссертацию об обществе потребления, виртуальных моделях, неизбежных провалах, *автор Жонас Шумпетер, весна-лето 2010*. Но

могу ли я быть уверена, что этот неординарный мальчик вознамерился поселиться у меня не потому, что столкнул с лестницы мачеху или назвал отца законченным идиотом? И не потому, что его пугает собственное будущее и он из-за этого втихаря режет себе вены?

Разве можно быть хоть в чем-то уверенной, когда такой вот Жонас смотрит на вас снизу вверх на вашей собственной кухне?

Чтобы ответить на вопрос, я попыталась для начала обрисовать ему контуры своей реальности. Заверила, что меня никогда не грабили, никогда, даже замок не взламывали и даже дверь не уродовали. Невероятное везение, не правда ли? Затем, не вдаваясь в лишние детали, описала свое одиночество, нет, скорее душевное равновесие, что, по-моему мнению, исключало – дефакто – соседство с любым существом в пухе, перьях, шерсти и чешуе, как и с любым растением, размер значения не имеет. Разве мой гость видел здесь хоть намек на кота или самый крошечный зеленый росток? Он вообще огляделся вокруг, когда пришел?

– А кактусы?

– Кактусы коллекционирует Ясмينا. Ты никогда у нее не был?

Жонас откинул голову. Распрямил плечи. Согнул ноги в коленях. Встал, сделал несколько шагов по квартире.

– Здесь мало мебели, – заметил он.

– Да, – согласилась я.

– Мне очень нравится, – продолжил он.

– Правда?

– Да.

– Да, – повторил он, – здесь можно сосредоточиться. Я должен сосредоточиться. Работать. Двигаться вперед.

– Понимаю, – ответила я.

Я собиралась сказать совсем другое. На самом деле, у меня с языка едва не сорвалось «в твоём возрасте!». Но я удержалась. Я знаю, что в восемнадцать хочется жить, веселиться, выкладываться по полной, не то что в сорок. В сорок притворяешься, будто забыл, что в восемнадцать для человека нет ничего важнее будущего и он помнит об этом и днем, и ночью, и несет тяжкий груз этого знания и днем, и ночью. А взрослые еще удивляются и не понимают, почему во всем мире так высок процент самоубийств среди ровесников Жонаса. Да, мы удивляемся, что еще нам остается.

Я спросила Жонаса, как поживает его будущая диссертация. Знаю, что никто никогда его об этом не спрашивает. Он ответил, что много размышляет, читает, но работать по-настоящему пока не начал.

Надо же, он еще и честен, этот мальчик.

– Ну и правильно, – заметила я и тут же спохватилась – наверное, не стоило этого говорить.

– Правильно, – продолжила я, – невозможно заниматься всем сразу. Нужно действовать последовательно, не торопясь. Да, последовательно, жить, размышлять, писать, этого вполне достаточно, это не позволяет думать о других вещах, например о будущем, ведь время так быстротечно, – добавляю я и мысленно кривлюсь – как банально! – но время и впрямь быстротечно, и никто над ним не властен.

– Да, – отвечает мой молодой собеседник.

– Как поживает твой отец?

Я задала и этот вопрос. Глупый. Неловкий. Вытащила на сцену отца в тот самый момент, когда Жонас решил от него освободиться. Вернусь из Сибири, запишусь на семинар по прикладной психологии, решаю я.

– У него все в порядке, – отвечает Жонас.

Вежливый мальчик. И терпеливый.

– Рада за него, – произношу я первое, что приходит в голову.

Мне отлично известно, как поживает Гонзаг. Гонзаг поживает как обычно. Много работает. Когда-то он уходил из дома на работу рано утром, когда его крошка-сын еще спал, сегодня возвращается поздно, когда его выросший сын уже спит. Оперившийся юнец часто выходит и много где бывает. Работа Гонзага приносит свои плоды. Малыш стал успешным во всех отношениях студентом. Квартира в хорошем доме. Газон, много гектаров земли. Бассейн, спа-процедуры, фитнес-зал и массажный кабинет, домашний кинотеатр, корт для игры в теннис и сквош. Загородная собственность, походы в горы, морские прогулки. На горнолыжные курорты Гонзаг теперь летает вертолетом, дружеские вечеринки уступили место парадным обедам. «Делишки» (так адвокаты называют между собой свою работу) усадили его в VIP-кресла, благотворительные фонды стали просто фондами. Наш Гонзаг гуманист, но в первую очередь он великий адвокат. Частные школы. Примирение с женами, отбеленные зубы, никакого психоанализа, кое-какие навязчивые состояния (нелеченые, читай – пустые), время от времени лазерная коррекция зрения по причине перманентного недосыпа. Из-за слияний, приобретений, объединений и поглощений. С ума сойти, до чего в наше время любят поглощения. Бизнес-адвокаты перегружены, у них много важных клиентов и сложных дел. У папы молодого Жонаса адвокатская контора. Он чертовски много работает.

Смешно, сидя на стуле в кухне, спрашивать сына «как поживает твой отец», ведь мы оба, он, я, и все остальные знакомые Гонзага – близкие и не очень – знаем, как он поживает. Особенно последние.

– Значит, тебя это не интересует?

– Что именно?

– Мое предложение. Чтобы я жил здесь, пока ты будешь там. Ну, если ты надолго задержишься в Сибири...

Я подняла глаза на гостя. Нужно было обдумать стоящий на повестке вечера сюжет, а именно, вероятное водворение Жонаса в моей квартире – его идея, не моя. Неожиданное предложение, но для меня весьма обнадеживающее. Подобное предложение это нечто особенное. Оно означает, что я в глазах Жонаса – не сорокалетняя «замшелая» тетка, не домохозяйка и не тихоня, а живая раскрепощенная женщина, мечтающая о невероятных путешествиях и одержимая необъяснимым интересом к стране и герою, до которого больше никому нет дела.

Так или иначе, того, что во мне было и, без сомнения, не было, хватило, чтобы этот молодой человек оказался у моей двери и предложил мне свои услуги.

Спасибо, Жонас.

Очень мило с твоей стороны, Жонас.

Ты мог бы быть моим сыном, Жонас.

– Знаешь, эта твоя история об олигархе показалась мне интересной.

– Правда?

– Я сказал это не для того, чтобы ты приняла мое предложение.

– Вот и хорошо.

– Мы ведь можем поговорить о твоей книге, даже если ты не согласишься, чтобы я жил тут, пока тебя не будет.

– Конечно, можем.

– Я понимаю, что вторгаюсь в твое личное пространство, но мне действительно хочется знать, что случилось с этим типом.

– Ты родился в год падения Стены, Жонас.

– Знаю.

– Тот мир был совсем другим.

– Я много об этом читал. Ездил в Берлин. И в Будапешт.

– Значит, кое-что понимаешь.

Да, я подумала, что Жонас мог бы быть моим сыном, и за несколько часов, что мы провели с ним на кухне, успела привыкнуть к этой мысли. Когда мой гость проголодался и захотел попить, я предложила ему «самообслужиться» в холодильнике и долго наблюдала, как ловко он управляется, вслушивалась в тихие обыденно-привычные звуки – звякнула крышка на банке с огурцами, зашуршал пакет с редиской, скрипнула целлофановая упаковка батона. Жонас готовил себе еду, а я сидела у него за спиной и думала, что он мог бы быть моим сыном. Он налил в стакан кока-колы, включил тостер, коротко ответил на звонок, держа телефон в левой руке, а бутерброд в правой, и мне показалось, что эта сцена повторялась в нашей жизни тысячи раз, во всяком случае, ровно столько, сколько необходимо, чтобы новорожденный малыш превратился в здоровенного парня ростом метр восемьдесят девять с густыми волосами и улыбкой победителя.

Я курила и думала, что Жонас и правда мог бы стать кем-то вроде моего сына, когда я уеду и на какое-то время выпаду из здешней жизни. Глядя, как он моет овощи, я сказала себе, что однажды вернусь, потому что именно так поступают все женщины, которых дома ждет сын. Они никогда не отсутствуют слишком долго, вот о чем я думала, глядя, как Жонас стряхивает воду с пучка салата. Разве можно уехать насовсем, когда дома вас ждет новоявленный сын, пожелавший пожить у вас?

Жонас положил на стол сэндвич, изящно украшенный зеленью. Спросил, не хочу ли и я что-нибудь съесть. Я поблагодарила и отказалась. Он принялся за еду, не обращая внимания на то, что я курю, табачный дым его явно не беспокоил. Я смотрела, как он жует – молча и сосредоточенно. Аппетит Жонаса был залогом успеха его будущей диссертации. Как и выверенность жестов. Хладнокровие совершенно необходимо, если собираешься писать о *глобализации капитализма*. Не знала, уместно будет предложить ему вина или, скажем, пива, так ничего и не решила, продолжила молча курить, а он уплетал за обе щеки, как будто только что вернулся с тренировки по баскетболу, а я, его мать, уже поужинала и ждала его, как всегда делаю по вторникам. Я знаю, что по вторникам мой сын возвращается поздно. Он всегда забывает ключи. Да, он их забывает. Потому и звонит в дверь. Каждый вторник Жонас возвращается поздно, голодный и без ключей.

Письмо

(переведенное)

Уважаемая Мадам,

В Приложении к этому письму Вы найдете программу встреч, которые мы организуем в России для ведущих журналистов англоязычных печатных средств массовой информации. Поскольку Вы, как мы поняли, не сотрудничаете ни с одной из газет и нам не известно, ни чем конкретно Вы в настоящий момент занимаетесь, ни каковы Ваши планы, мы ни при каких обстоятельствах не сможем включить Вас в число участников нашей программы, если не получим дополнительных подтвержденных сведений. Мы сообщаем Вам конфиденциальную на данный момент информацию исключительно по настоянию господина Джона У. Кларка, к которому питаем глубочайшее уважение.

В нашей программе, как Вы сможете убедиться, имеются лакуны, и она останется таковой в течение всей поездки. Учитывая исключительный характер планируемых мероприятий, наши российские партнеры не могут гарантировать их обеспечение во всем объеме – по вполне очевидным причинам. Запланированные встречи с министрами и политиками могут быть в любой момент отложены и даже отменены, как и встречи с президентами и генеральными директорами крупнейших российских компаний – тех, чьими акциями торгуют на Бирже, и тех, что пока там не котируются.

Обращаем Ваше внимание и на тот факт, что ни один участник не должен говорить по-русски, даже на бытовом уровне, поскольку познать новую реальность этой страны возможно лишь с помощью высококлассных переводчиков. Кроме того, мы обязаны сообщить нашим партнерам подробные сведения о всех журналистах, которые отправятся в эту поездку, а также переслать копии статей, написанных каждым из них о России. Статьи, посвященные культурным и социальным проблемам не принимаются – только работы на политические и экономические темы.

Расходы – исключительно высокие – на поездку возлагаются на участников, то есть на те печатные органы, где они работают. Если Вы решите принять участие в мероприятии, как можно скорее пришлите нам точные и полные данные о газете, на которую Вы собираетесь работать.

Сообщаем, что пользование телефоном, компьютером, видеокамерой, фотоаппаратом и другими цифровыми считывающими и записывающими устройствами будет строго запрещено на протяжении всей поездки. Наша компания дала в этом заверения российским партнерам. Отборочный комитет отнюдь не случайно принял решение послать в Россию журналистов печатных средств массовой информации, «оснастив» их чистыми блокнотами и шариковыми ручками. По нашему мнению, только письменный текст позволяет показать и прочувствовать глубинную реальность, это не под силу ни одному другому средству массовой информации, даже самому современному и дорогостоящему.

В ожидании Вашего скорейшего ответа и максимально подробного резюме, примите, Мадам, заверения в нашем совершеннейшем почтении.

*Доктор юридических наук, адвокат Кирилл Е. Буалле
Events Worldwide Consulting*

*Ответ на письмо
(переведенное)*

Уважаемая Events Consulting Worldwide,
Уважаемый господин адвокат,

Я была очень рада получить Ваше письмо от 23-го числа текущего месяца, о скором получении которого меня предупредил мой друг Джон У. Кларк. Джон исключительно хорошо информированный человек, в чем Вы, как и я, наверняка часто имеете возможность убедиться к полному своему удовольствию.

Хочу сразу же уточнить, что не работаю ни на кого-то персонально, ни, тем более, на какое-либо англоязычное печатное издание. Я пытаюсь написать русский роман. Возможно, эта информация покажется Вам слишком расплывчатой, поэтому уточню, что намерена создать современный русский роман. Считается, что этот жанр исчерпал себя. По моему скромному мнению, его пора освежить, возможно даже, прибегнуть к «подтяжке и липосакции», но давайте обойдемся без таких обыденных деталей. Добавлю, полагаясь на вашу профессиональную сдержанность, что эта работа над современной версией русского романа

*sui generis*⁹ неизбежно приведет к написанию русского потешного романа. Речь в нем пойдет о постсоветской демократии, в этом я могу Вас заверить, поскольку, по моему твердому убеждению, никто сегодня не сможет сочинить русский роман, обойдя тему русской демократии, даже я. Что до остального, отсылаю Вас и членов отборочного комитета к чтению романов как таковых. Само собой разумеется, не абы каких романов. Я не сомневаюсь, что опыт отборщиков позволит вам выбрать из огромного количества литературных произведений один или два романа, достойных называться романами. Они помогут Вам понять, что я имею в виду, когда пишу, что работаю над русским романом, и почему не могу сказать больше, чем уже сказала.

Предлагаемая Вами программа встреч и визитов показалась мне необычайно увлекательной. Я, как Вы, конечно, понимаете, буду очень рада встретиться с несколькими русскими министрами и – главное – президентами и генеральными директорами газовых, нефтяных, урановых и, если таковые найдутся, зерновых, щавелевых и редисочных компаний. Если мы хотим получить достоверную информацию о новой России, нельзя оставить без внимания ни один природный ресурс. Меня также интересуют олигархи, могущие находиться в тюрьмах, лагерях, колониях и других исправительных учреждениях (широта: 51°; долгота: 116°)¹⁰. Мне неизвестно – в Вашей программе об этом ничего не говорится, – запланировали ли Вы встречи с кем-нибудь из утративших влияние представителей экономической элиты России. Например, с самым известным из них, Михаилом Ходорковским, который вряд ли добровольно выбрал для себя такого рода славу. Подобная инициатива могла бы идеально вписаться в позитивно-конструктивное видение темы и позволила бы нам – не только мне как романистке, но и всем Вашим авторитетным журналистам – намного шире осветить проблемы развития современной России.

⁹ В чистом виде (*лат.*).

¹⁰ Забайкальский край – субъект Российской Федерации, расположенный в Восточном Забайкалье. Входит в состав Сибирского федерального округа. Административный центр – город Чита. Наибольшая протяженность края с севера на юг отмечается на меридиане 117°08' в.д. и достигает почти 1000 км, с запада на восток по параллели 50° с.ш. Протяженность составляет немногим более 850 км.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.